

КРИСТИН
ХАННА

*Улица
светлячков*

**Кристин Ханна
Улица Светлячков**

Firefly Lane by Kristin Hannah

Copyright © 2008 by Kristin Hannah

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю
Нюрнберга

Перевод с английского *Ольги Рогожиной*

phantom press

© Ольга Рогожина, перевод, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

*Эта книга посвящается «нам». Девочкам.
Подругам, которые оставались рядом год за годом, что бы
ни случилось.
Я вас не называю, но вы себя узнаете.
Спасибо*

*Людам, с которыми связано столько воспоминаний, —
моему отцу Лоренсу;
моему брату Кенту; моей сестре Лоре;
моему мужу Бенджамину и сыну Такеру.
Где бы мы ни находились, вы всегда в моем сердце*

*Маме, которая вдохновила меня на множество книг.
В особенности на эту*

Старый друг — лучшее зеркало.

Джордж Херберт

Глава первая

Их так и называли — «девчонки с улицы Светлячков». Давно это было, больше тридцати лет назад, но сейчас, когда она, лежа в постели, прислушивалась к гулу снежной бури за окном, казалось, будто с тех пор не прошло и дня.

За последнюю неделю (без сомнения, худшую в ее жизни) она совершенно разучилась отделять себя от своих воспоминаний. Слишком часто 1974-й возвращался во сне: она снова становилась школьницей, взрослеющей в тени проигранной войны, снова вместе с лучшей подругой мчалась на велосипеде сквозь темноту, настолько густую, что сама себе казалась невидимой. Даже их улица — в сущности, не более чем отправная точка в этой ретроспективе — оживала перед глазами в мельчайших подробностях: вот она серой асфальтовой лентой петляет между травянистых склонов, а в канавах по обе стороны стоит темная, мутная вода. Когда-то давно, еще до того, как они познакомились, ей казалось, что эта улица и не ведет никуда — так, обычная проселочная дорога, названная в честь насекомых, которых сроду не видывали среди непролазной зелени и необъятной синевы этих мест.

Лишь потом они посмотрели на эту дорогу глазами друг друга. Стоя плечом к плечу на вершине холма, смогли за стеной леса, за рытвинами и колдобинами, за далекими заснеженными горами разглядеть все те места, где однажды окажутся. Живя по соседству, они ночами выскальзывали из своих домов и встречались на дороге. Сидя на берегу реки Пилчак, курили краденые сигареты, вместе плакали под песню «Билли, не геройствуй»^[1] и рассказывали друг дружке абсолютно все, сшивали свои жизни воедино, и к концу лета никто уже не мог толком разобраться, где заканчивалась одна девочка и начиналась вторая. Никто и не разбирался, их знали просто как Талли-и-Кейт, и больше тридцати лет эта дружба составляла фундамент их жизней — прочный, надежный,

долговечный. Музыка с годами менялась, но клятвы, данные на улице Светлячков, оставались в силе.

Лучшие подруги навеки.

Они всерьез полагали, что это навеки, представляли, как старухами будут вместе сидеть в креслах-качалках на скрипучей веранде, вспоминать былые времена и весело хохотать.

Она, конечно, давно осознала свою ошибку. Вот уже год твердила себе, что все в порядке, что вполне можно обойтись и без лучшей подруги. Иногда у нее даже получалось в это поверить.

А потом она слышала музыку. Их музыку. «Прощай, дорога из желтого кирпича». «Меркантильная». «Богемская рапсодия». «Пурпурный дождь». Вчера в супермаркете у овощного прилавка ее настигла дурацкая магазинная версия песни «У тебя есть друг»^[2], и она вдруг расплакалась – прямо над ящиком редиса.

Она откинула одеяло и осторожно, стараясь не потревожить спящего подле нее мужчину, выбралась из кровати. На мгновение замерла, разглядывая его в полутьме. Даже во сне он выглядел встревоженным.

Она взяла телефон, вышла из спальни и, пройдя по залитому тишиной коридору, ступила на веранду. Постояла, вглядываясь в бушующую непогоду, собираясь с духом. Затем набрала номер, такой знакомый, и все думала, что же скажет своей бывшей лучшей подруге, как начнет их первый разговор после многих месяцев молчания. *Неделя была такая дурацкая... Жизнь на глазах разваливается... А может быть, просто Ты мне нужна.*

Где-то на другом берегу темного, бушующего залива звонил телефон.

Часть первая

Семидесятые

Королева танцев
Юна и прекрасна,
Ей всего семнадцать ^[3]

Глава вторая

Для большей части страны 1970-й был годом беспорядков и перемен, но в доме на улице Магнолий вопреки всему царили порядок и постоянство. Сидя на холодном деревянном полу, десятилетняя Талли строила из конструктора «Линкольн Логс» домик для своих куколок «Лидл Кидлз»^[4], которые мирно спали, устроившись на розовых бумажных салфетках. У себя в комнате она могла бы послушать «Джексон Файв» — у нее была пластинка и детский проигрыватель, — но здесь, в гостиной, не водилось даже радио.

Бабушка музыку не жаловала, о телевидении и настольных играх тоже была невысокого мнения. Почти весь день она проводила с пальцами в руках. Расположившись, совсем как сейчас, в кресле-качалке у камина, она умело орудовала иглой, а под Рождество относила скопившиеся вышивки — больше сотни, и почти все с цитатами из Библии — в церковь, где их продавали на благотворительных ярмарках.

А дедушка... его было совсем не слышать. После инсульта он только и делал, что лежал в постели да время от времени звонил в колокольчик. Лишь в эти моменты Талли видела, чтобы бабушка куда-то спешила. Едва услышав звон, она с улыбкой восклицала: «Боже ты мой!» — и убегала по коридору с такой скоростью, на какую только были способны ее обутые в шлепанцы старые ноги.

Талли взяла игрушечного тролля с желтыми волосами и Каламити из «Лидл Кидлз» и, тихонько мурлыкая «Мечтателя»^[5], закружила их в танце. На середине песни в дверь постучали.

Это было настолько неожиданно, что Талли отвлеклась от игры и подняла голову. Кроме мистера и миссис Биттл, которые являлись по воскресеньям, чтобы отвезти их в церковь, к ним никто и никогда не заходил.

Сложив вышивку в розовый пакет и оставив возле кресла, бабушка направилась к двери вялой шаркающей походкой, которая стала ей свойственна в последние пару лет. Когда дверь открылась, повисла долгая пауза, и затем бабушка сказала:

— Боже ты мой.

Голос ее звучал странно. Покосившись на дверь, Талли увидела высокую женщину с длинными спутанными волосами, на губах которой то расползалась, то таяла улыбка. Женщина была красивая, такую красавицу нечасто встретишь, — с молочной кожей, тонким острым носиком, высокими точеными скулами и аккуратным подбородком. Ее влажные карие глаза то закрывались, то медленно открывались снова.

— Дочь объявилась после стольких лет, а тебе больше и сказать нечего?

Она протиснулась мимо бабушки, подошла к Талли и наклонилась:

— Это кто тут, моя малышка Таллула Роуз?

Дочь? Но ведь это значит...

— Мама? — восхищенно прошептала Талли, сама себе не веря. Она так долго этого ждала, так давно мечтала, что мама однажды вернется за ней.

— Скучала?

— А то, — сказала Талли, едва сдерживая радостный смех. Она была так счастлива.

Бабушка закрыла дверь.

— Пойдем на кухню? Я кофе сварю.

— Я не за кофе приехала, а за своей дочерью.

— Без гроша в кармане? — устало ответила бабушка.

Маму это явно задело.

— Допустим, и что дальше?

— Талли нужно...

— Уж, пожалуй, как-нибудь разберусь, что нужно моей собственной дочери.

Мама вроде бы пыталась стоять ровно, но выходило не очень. Все ее тело как-то вихляло, и глаза были странные. Она наматывала на палец длинную прядь вьющихся волос.

Бабушка подошла ближе.

– Ребенок – это большая ответственность, Дороти. Ты бы вернулась домой, пожила с нами немного, получше познакомилась с Талли и, может быть, тогда была бы готова... – Она на мгновение умолкла, нахмурилась и добавила совсем тихо: – Ты напилась.

Мама хихикнула и подмигнула Талли.

Талли подмигнула в ответ. Напиваться – это же ничего страшного. Дедушка тоже часто пил, пока не заболел. Даже бабушка порой позволяла себе бокал вина.

– Мам, у меня же день рожденья сегодня, забыла?

– День рождения? – Талли вскочила на ноги. – Подожди, я сейчас.

Она опрометью бросилась в свою комнату и под бешеный стук собственного сердца принялась рыться в ящике стола, торопливо выгребая и разбрасывая его содержимое, пытаясь отыскать то ожерелье из бусин и макарон, которое сделала для мамы еще год назад, на занятии в воскресной школе. Бабушка тогда нахмурилась, увидев его, и посоветовала не слишком-то рассчитывать на маму, но Талли ее послушаться не могла. Она только и делала, что рассчитывала на маму – вот уже много лет подряд. Сунув ожерелье в карман, она рванула обратно и, подбегая к гостиной, услышала:

– Да не пьяная я, дорогая моя маменька. Я дочку свою вижу в первый раз за три года. Любовь вставляет покруче алкоголя.

– За шесть лет. Когда ты ее здесь оставила, ей было четыре.

– Серьезно, так давно? – Мама казалась озадаченной.

– Возвращайся домой, Дороти. Я тебе помогу.

– Угу, как в прошлый раз помогла? Нет уж, спасибо.

В прошлый раз? Мама приезжала раньше?

Бабушка вздохнула, затем вся как-то закаменела.

– Долго ты собираешься на меня за это злиться?

– Такие штуки время не лечит. Пойдем, Таллула.

Мама, пошатываясь, шагнула к двери.

Талли нахмурилась. Совсем не так она это себе представляла. Мама ее не обняла, не поцеловала, даже не спросила, как у нее дела. И кто вообще уходит из дома, не собрав чемодан?

– Мои вещи... – начала она, указывая на дверь спальни.

– На кой черт тебе эта мешанская дрянь, Таллула?

– А?.. – не поняла Талли.

Бабушка притянула ее к себе, и Талли окутал ее запах – детской присыпки и лака для волос, – такой родной и уютный. Никто, кроме бабушки, никогда не обнимал ее, ни с кем другим она не чувствовала себя в безопасности, и ей вдруг сделалось страшно.

– Бабуля? – спросила она, отстраняясь. – Что происходит?

– Ты едешь со мной, – сказала мама и, чтобы не потерять равновесие, схватилась за дверной косяк.

Бабушка взяла Талли за плечи и легонько встряхнула.

– Телефон и адрес ты знаешь, так ведь? Если испугаешься или что-нибудь нехорошее случится, ты нам звони, ладно?

В глазах ее стояли слезы, и, видя, что бабушка, всегда такая спокойная и невозмутимая, плачет, Талли совсем перепугалась и растерялась. Что происходит? Что она успела сделать не так?

– Бабуля, прости, я...

Мама склонилась над ней и, схватив за плечо, грубо тряхнула:

– *Никогда* не проси прощения. Это выглядит жалко. Идем.

Она взяла Талли за руку и потянула к двери. Спотыкаясь, Талли последовала за ней вниз по ступенькам и дальше, через дорогу, к тому месту, где был припаркован ржавый микроавтобус «фольксваген» с огромным «пацификом» на боку, весь в виниловых наклейках в виде цветов.

Дверь открылась, наружу выплыло облако серого дыма. Внутри, среди мглистого сумрака, Талли различила трех человек. За рулем сидел чернокожий мужчина с необъятным афро, перехваченным красной повязкой. Позади него – блондинка в полосатых штанах,

жилетке с бахромой и коричневой бандане и мужчина в клешах и засаленной футболке. Пол был устлан мохнатым коричневым ковролином, кругом валялись курительные трубки, пустые бутылки, обертки от еды и восьмитрековые^[6] магнитофонные кассеты.

– Это моя дочка, Таллула, – сказала мама.

Талли терпеть не могла, когда ее называли Таллулой, но промолчала. Лучше потом сказать, когда они с мамой останутся вдвоем.

– Кайф, – сказал кто-то.

– Вылитая ты, Дот. Охренеть.

– Залезайте уже, – буркнул водитель. – А то опоздаем.

Человек в грязной футболке ухватил Талли за пояс и втащил в фургон. Она осторожно уселась, поджав ноги. Мама тоже залезла внутрь и захлопнула за собой дверь. В фургоне пульсировала странная музыка, Талли ничего не могла разобрать кроме слов *что-то тут творится...*^[7] Из-за дыма все очертания казались дрожащими, расплывчатыми.

Талли подвинулась ближе к металлической стенке фургона, чтобы освободить место для мамы, но та под села к женщине в бандане, и они немедленно принялись болтать о свиньях, о маршах, о каком-то парне по имени Кент^[8]. Талли ничего в этом разговоре не понимала, а от дыма у нее кружилась голова. Когда человек, сидевший с ней рядом, начал раскуривать трубку, она не сумела сдержать вздох досады.

Услышав ее, он повернулся и выдохнул облачко серого дыма прямо ей в лицо.

– Расслабься, малышка, просто плыви по течению.

– Вы только гляньте, как моя мать ее вырядила, – с горечью сказала мама. – Ну просто куколка. Как может человек быть *настоящим*, если боится запачкаться?

– Точняк, Дот. – Сосед Талли выпустил изо рта дым и откинулся на сиденье.

Мама впервые посмотрела на Талли — по-настоящему *посмотрела* прямо на нее.

— Запомни это, малыш. Жизнь, она не про то, чтобы печь печеньки, драить полы и детей рожать. Она про то, чтобы быть свободной. Делать что хочешь. Быть кем хочешь, хоть сраным президентом США, если приспичит.

— Новый президент нам бы не помешал, это факт, — отозвался водитель.

Женщина в бандане похлопала маму по бедру:

— В самую тощчку. Том, хэй, бонг мне передай? — Она пьяно захихикала. — О, почти стихи.

Талли нахмурилась, чувствуя, как в животе оседает прежде незнакомый ей стыд. Она-то думала, что платье красивое и смотрится на ней так славно. И стать хотела балериной, а вовсе не президентом.

Но маминой любви она хотела еще сильнее. Она подвинулась поближе к матери, так, чтобы можно было до нее дотянуться.

— С днем рождения, — сказала она тихонько и, сунув руку в карман, достала ожерелье, над которым так долго трудилась, намучилась с ним, если честно, — другие дети давно ушли играть, а она все сидела и приклеивала к макаронам блески. — Это я для тебя сделала.

Мама выхватила ожерелье у нее из рук и сжала в кулаке. Талли все ждала, когда она скажет спасибо, наденет его, но так и не дождалась; мама просто сидела, покачиваясь в такт музыке, и разговаривала со своими друзьями.

В конце концов Талли закрыла глаза. Из-за дыма ей хотелось спать. Почти всю свою жизнь она скучала по маме. И совсем иначе, чем скучаешь по кукле, запропастившейся неизвестно куда, или по подружке, которая перестала приходить в гости, потому что ты жадина и не делишься игрушками. Ей *не хватало* мамы. День за днем она носила в себе эту ноющую пустоту, а ночами чувствовала, как та распускается острой, живой болью. Если только мама

вернется, обещала она себе, я буду очень хорошей девочкой. Самой лучшей. Она надеялась загладить свою вину, исправить то, что когда-то сделала или сказала не так. Больше всего на свете Талли хотела, чтобы мама ей гордилась.

Но сейчас она совсем растерялась. В ее мечтах все было иначе — там мама брала ее за руку и они уходили вместе, только вдвоем.

— Вот мы и пришли, — говорила мама, пока они поднимались к дому по склону холма. — Дом, милый дом. — А потом целовала Талли в щеку и шептала ей на ухо: — Как же я соскучилась. Я уехала, потому что...

— Таллула. Просыпайся.

Вздрагнув, Талли очнулась. Голова раскалывалась, в горле саднило. Она попыталась спросить: «Где мы?» — но с губ сорвался лишь жалкий хрип.

Взрослым это показалось ужасно смешным. Хохоча, они высыпали из фургона на улицу.

Здесь, в центре Сиэтла, было полно народу, все кричали, скандировали, размахивали плакатами «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Ни черта мы не пойдём!». Талли в жизни не видела такой кучи людей в одном месте.

Мама взяла ее за руку, притянула поближе.

День прошел как в тумане, вокруг скандировали, пели, снова скандировали. Талли ни на секунду не переставала бояться, что случайно отпустит мамину руку и потеряется в толпе. Когда явились полицейские — за поясом у каждого пистолет, в руках дубинка, на лице пластмассовое забрало — стало только страшнее.

Но толпа мирно текла по улице, а полицейские мирно за ней наблюдали.

Уже стемнело, Талли выбилась из сил и проголодалась, голова разболелась, а они все шли и шли, сворачивая с одной незнакомой улицы на другую. Люди теперь вели себя иначе — свернули плакаты и достали выпивку. Иногда Талли удавалось расслышать обрывки разговоров, даже целые предложения, но смысл от нее ускользал.

– Видали этих свиней? У них руки *чесались* кого-нибудь мордой по асфальту повозить, да хрен там, мы мирное шествие, чувак. Не имеют права. Дот, алё, дай другим дунуть, ишь присосалась.

Кругом захохотали, а мама громче всех. Талли никак не могла понять, что происходит, и голова у нее ужасно болела. А толпа все прибывала, люди смеялись, танцевали. Неизвестно откуда на улицу полилась музыка.

А потом Талли вдруг поняла, что больше никого не держит за руку.

– Мама! – закричала она.

Люди были повсюду, но никто не ответил, даже не повернулся. Она проталкивалась сквозь толпу, мимо чужих тел, звала маму, кричала что было сил. А когда совсем охрипла, вернулась к тому месту, где видела маму в последний раз, уселась на тротуар и стала ждать.

Она вернется.

Слезы жгли глаза, катились по лицу, а она все сидела и ждала, стараясь быть храброй.

Но мама не вернулась.

Она не раз пыталась припомнить, что делала дальше, что с ней происходило, но воспоминания ускользали, окутанные, точно туманом, жужжащим роем чужих людей. Она помнила лишь, как проснулась на грязной каменной ступеньке и увидела посреди опустевшей улицы полицейского на лошади.

Он нахмурился, глядя на нее со своего высокого насеста, и спросил:

– Девочка, ты здесь одна?

– Да, – только и смогла выдавить Талли, прежде чем расплакалась.

Когда он привез ее обратно в дом на Квин-Энн-Хилл, бабушка обняла ее, поцеловала в щеку и сказала, что вины ее тут нет.

Но Талли знала, что это неправда. Она плохо себя вела, что-то сделала не так. В следующий раз, когда мама вернется, она будет

лучше стараться. Пообещает ей стать президентом и никогда-никогда больше не позволит себе ни перед кем извиняться.

Талли отыскала плакат с президентами США и выучила их всех, по порядку. Месяцами она рассказывала каждому, кто готов был слушать, что станет первой женщиной-президентом, и даже бросила балетную школу. В день, когда ей исполнилось одиннадцать, пока бабушка зажигала свечи на именинном торте и тоненьким, прозрачным голоском пела «С днем рожденья тебя», Талли все поглядывала на дверь, думая: «Вот сейчас», но в дверь так и не постучали, телефон так и не зазвонил. Распаковывая подарки, она изо всех сил старалась улыбаться. На столике перед ней лежал пустой альбом. Так себе подарок, если честно, но бабушка вечно дарила что-нибудь в этом духе – придумывала для Талли занятия, от которых не слишком много шума.

– Она даже не позвонила, – сказала Талли, подняв глаза.

Бабушка устало вздохнула.

– У твоей мамы немало... трудностей. Человек она слабохарактерный и давно сбилась с пути. Тебе пора бы перестать притворяться, будто это не так. Важно, чтобы ты сама была другой, сильной.

Этот совет Талли слышала уже миллион миллионов раз.

– Знаю.

Устроившись на потертом диване в цветочек, бабушка притянула ее к себе и усадила на колени. Талли обожала так сидеть. Она прижалась к бабушке потеснее, опустила голову на ее мягкую грудь.

– Бог свидетель, я бы очень хотела, чтобы твоя мама изменилась, но она пропащий человек. Это давно ясно.

– Поэтому она меня не любит?

Бабушка посмотрела на Талли. За очками в темной роговой оправе ее бледно-серые глаза казались огромными.

– Она тебя любит, просто на свой манер. Поэтому и возвращается.

– Не очень-то похоже на любовь.

– Это верно.

– По-моему, я ей даже не нравлюсь.

– Это я ей не нравлюсь. Много лет назад кое-что случилось, и я не... Впрочем, какая уж теперь разница. – Бабушка крепче прижала к себе Талли. – Уверена, когда-нибудь она будет локти кусать, что все эти годы ее не было рядом.

– А я смогу показать ей альбом.

– Вот и славно, – отозвалась бабушка, не глядя на нее. Помолчав, она добавила: – С днем рождения, Талли, – и поцеловала ее в лоб. – А теперь я пойду посижу с дедушкой, ему что-то сегодня нехорошо.

Когда бабушка вышла, Талли осталась сидеть на диване, уставившись на пустую первую страницу нового альбома. Это же будет идеальный подарок для мамы – показать ей все, что она пропустила. Но чем его заполнить? Своих фотографий у нее было совсем немного – почти все сделаны чужими мамами на чужих днях рождения или в школьных поездках. У бабушки глаза уже не те, ей с этими крохотными видоискателями не управиться. А мамина фотография вообще была всего одна.

Талли взяла ручку и старательно вывела число в правом верхнем углу страницы. Затем нахмурилась. Что еще написать? *Милая мамочка, сегодня мне исполнилось одиннадцать лет...*

С этого дня она начала собирать в альбоме нехитрые свидетельства своей жизни. Школьные фото, фото со спортивных соревнований, корешки от билетов в кино. Год за годом она тщательно документировала каждый свой счастливый день, старательно описывала, где была и что делала, и приклеивала билетик или квитанцию в качестве подтверждения. Постепенно она стала немного приукрашивать события, чтобы показать себя с лучшей стороны. Не врала, всего лишь чуть преувеличивала. Добавляла разные мелочи, чтобы мама могла по-настоящему ей гордиться. Альбомы заполнялись один за другим. На каждый день

рождения она получала новый, и так продолжалось, пока ей не исполнилось четырнадцать.

Тогда что-то в ней переменялось. Она сама толком не знала, что именно. Грудь у нее выросла раньше, чем у остальных девочек в классе, может, дело было в этом; а может, ей просто надоело переносить свою жизнь на страницы альбомов, которые никто и никогда не просил полистать. В четырнадцать она решила: хватит. Сложила свои детские альбомы в картонную коробку и сунула ее в дальний угол шкафа, а бабушку попросила новых не покупать.

– Ты уверена, моя зайка?

– Угу, – ответила Талли.

Отныне она не будет и вспоминать о своей матери, отныне ей плевать. В школе она стала говорить всем, что мать утонула, катаясь на яхте.

Эта ложь принесла освобождение. Одежду она теперь покупала не в детских магазинах, а в молодежной секции – короткие футболочки в обlipку, которые подчеркивали новообетенную грудь, джинсы-клеш с низкой посадкой, отлично сидевшие на заднице. От бабушки их приходилось прятать, но больших ухищрений это не требовало: надеваешь пуховый жилет потолще, прощаешься в дверях покороче – и можно выходить из дома в чем душа пожелает.

Она быстро заметила, что если одеваться как следует и вести себя определенным образом, то все самые классные ребята захотят с тобой тусоваться. По пятницам и субботам она говорила бабушке, что останется ночевать у подружки, а сама отправлялась кататься на роликах в Лейк-Хиллз, где никто не задавал вопросов про семью и ни у кого во взгляде не читалось «бедненькая Талли». Она научилась курить взятяг, не кашляя, а после отбивать запах жвачкой.

К восьмому классу она сделалась одной из самых популярных девочек в средней школе, завела множество друзей, и это ей здорово помогало. Жизнь бурлила, не оставалось времени думать о женщине, которая ее бросила.

И все же изредка она чувствовала себя... не то чтобы одинокой... но какой-то не такой. Оторванной от мира. Будто все люди вокруг – просто массовка.

Сегодня был как раз такой день. Она сидела на своем обычном месте в школьном автобусе, со всех сторон гудели разговоры. Казалось, абсолютно все болтали о своих семейных делах, а Талли сказать было нечего. Она не знала, каково это – подраться с младшим братом, поехать с мамой за покупками, поругаться с родителями и сидеть дома в наказание за то, что огрызалась. Когда автобус наконец затормозил возле ее остановки, она поспешно вскочила, но перед выходом нарочито громко прощалась с друзьями, махала им, заливисто хохотала. Притворялась; в последнее время она только и делала, что притворялась.

Когда автобус уехал, она поправила рюкзак на плече и поплелась к дому. И, едва повернув за угол, увидела фургон.

Он был припаркован напротив бабушкиного дома – все тот же красный, побитый жизнью «фольксваген». Даже виниловые наклейки с цветами на месте.

Глава третья

Было еще темно, когда зазвонил будильник. Кейт Маларки застонала и осталась лежать, уставившись на скошенный потолок. Ее тошнило от одной мысли о школе.

Восьмой класс как-то с самого начала не задался, и весь 1974-й вышел отстойным, целый год социального вакуума. Слава богу, хоть учиться осталось всего месяц. Только вряд ли на каникулах что-то изменится.

В шестом классе у нее было сразу две лучших подружки – они все делали вместе: выступали на конных соревнованиях, ходили в кружки, катались на велосипедах. Но летом, когда им исполнилось по двенадцать, все вдруг закончилось. У подруг просто крышу снесло, по-другому и не скажешь. Они курили травку перед уроками, часто прогуливали школу и не пропускали ни одной вечеринки. А когда поняли, что Кейт ничего этого делать не хочет, перестали с ней общаться. Совсем. Да только «хорошие» ребята в школе все равно обходили ее стороной – за то, что раньше дружила с укурками. Поэтому теперь ее единственными друзьями были книги. Она столько раз читала «Властелина колец», что многие сцены помнила почти наизусть.

И уже одно это не слишком способствовало повышению социального статуса.

Со вздохом она выбралась из постели. В крохотной кладовке второго этажа, которую только недавно переделали в ванную, она быстро приняла душ и заплела свои прямые светлые волосы в косу, затем надела очки – дурацкие, в роговой оправе. Такие давно вышли из моды, теперь все носят круглые, вообще без оправы, но папа сказал, что денег на новые очки пока нет.

Спустившись по лестнице, она подошла к задней двери, обернула штанины своих расклешенных брюк вокруг икр и сунула ноги в черные резиновые сапоги огромного размера, которые всегда стояли на крыльце. Переступая по грязи, точно Нил Армстронг по

поверхности Луны, она приблизилась к хлеву на другом конце двора. Их старая кобыла, чуть прихрамывая, подошла к изгороди, поприветствовала хозяйку тихим ржанием.

– Привет, Горошинка, – отозвалась Кейт и, бросив в кормушку охапку сена, почесала мягкое бархатное ухо. – Я тоже по тебе скучаю, – добавила она, и это была чистая правда.

Еще два года назад они были неразлучны, Кейт каталась на Горошинке все лето, взяла кучу наград на сельской ярмарке Снохомиша.

Но жизнь порой так быстро меняется. Теперь она хорошо это понимала. Сегодня твоя лошадь здорова, а завтра уже состарилась и хромает. Сегодня дружишь с человеком, а завтра вы друг другу чужие.

– Пока, – сказала она и в темноте поплюхала по дорожке обратно к дому.

Оставив облепленные грязью сапоги на крыльце, она открыла дверь и тут же оказалась в эпицентре хаоса. Мама, в застиранном халате в цветочек и пушистых розовых тапочках, стояла у плиты с ментоловой сигаретой в зубах и лила тесто в прямоугольную электрическую сковородку. Ее каштановые волосы до плеч были стянуты ярко-розовыми ленточками в два тощих хвостика.

– Кейти, накрой на стол, – велела она, не отрывая взгляда от сковородки. – Шон! Спускайся сию минуту!

Кейт повиновалась. Едва она закончила, мама принялась разливать молоко по стаканам.

– Шон, завтракать! – снова прокричала она и на этот раз добавила волшебные слова: – Молоко уже налито!

Секунды не прошло, как восьмилетний Шон вихрем слетел по лестнице, рванул к бежевому в крапинку столу и, споткнувшись по пути о щенка лабрадора – нового члена семьи Маларки, – весело засмеялся.

Усаживаясь на свое обычное место за столом, Кейт мимоходом бросила взгляд в гостиную, а оттуда, сквозь большое окно над

диваном, — на улицу. И увидела кое-что весьма неожиданное: к дому напротив поворачивал грузовик.

— Ого. — Не выпуская из рук тарелку, она выскочила в гостиную, замерла у окна и уставилась на дом, отделенный от них дорогой и тремя акрами принадлежавшей им земли. В этом доме уже сто лет никто не жил.

Она услышала за спиной шаги матери — та звонко прошлепала по кухонному линолеуму с кирпичным узором, потом мягко прошелестела по мшисто-зеленому ковролину гостиной.

— Кто-то въезжает в дом напротив, — объяснила Кейт.

— Правда?

Нет, неправда, я вру.

— Вот будет здорово, если там поселится семья с девочкой твоего возраста. Подружитесь с ней.

Кейт еле сдержалась, чтобы не огрызнуться. Только мамы считают, что в средней школе вот так в два счета заводят друзей.

— Ага, запросто.

Она резко повернулась и вместе с тарелкой вышла в коридор, где и прикончила свой завтрак на глазах у Иисуса, глядевшего на нее со стены.

Мама, разумеется, притащилась за ней следом. Встала у гобелена с изображением «Тайной вечери» и молчит.

— Чего? — рявкнула Кейт, когда ее терпение лопнуло.

Мама едва слышно вздохнула.

— Почему мы теперь вечно ругаемся?

— Ты первая начинаешь.

— И каким же образом? Говорю «привет, как дела»? Да уж, вот ведь мегера.

— Не я это сказала.

— Знаешь, это не моя вина вообще-то.

— Что не твоя вина?

— Что у тебя нет друзей. Если бы ты...

Кейт молча развернулась и зашагала прочь. Честное слово, еще одна речь в духе «ах, если бы ты чуточку постаралась», и ее стошнит.

Мама в кои-то веки не последовала за ней. Она вернулась на кухню, крикнула:

– Поторапливайся, Шон. Школьный автобус Маларки выезжает через десять минут.

Брат захихикал. Кейт, поднимаясь по лестнице, закатила глаза. Так тупо. Одна и та же дебильная шутка каждый день, а он все смеется. И чего он вечно такой довольный?

И следом за вопросом в голове тут же пронесся ответ: потому что у него есть друзья. А с друзьями все становится проще.

Она пряталась в своей комнате, пока не услышала, как заурчал во дворе двигатель старого «форда». Ей вовсе не хотелось, чтобы в школу ее подвозила мама, которая, стоило Кейт вылезти из машины, во весь голос вопила «пока-пока» и остервенело, точно игроки в программе «Цена удачи»^[9], махала рукой. Ездить в школу с родителями – значит добровольно поставить крест на собственной репутации. Лишь когда колеса прошуршали по гравию, Кейт спустилась, помыла посуду, собрала вещи и вышла на улицу. Светило солнце, но подъездную дорожку после вчерашнего ливня совсем развезло, лужи на ней стояли размером с автомобильную крышку. Старики, днями и ночами торчавшие в местном магазине хозтоваров, наверняка уже постановили, что наводнения не избежать. Грязь засасывала подошвы ботинок – жалких подделок под модные фирменные, – идти приходилось медленно. Кейт так внимательно глядела под ноги, стараясь не запачкать свои единственные радужные носки, что девушку, стоявшую у дома напротив, заметила, лишь когда дошла до самой остановки.

А девушка была ужасно красивая. Высокая, с большой грудью и рыжевато-каштановыми кудрями, она была похожа на Каролину Монокскую – такая же светлая кожа, пухлые губы, длинные ресницы. И одета *отпадно*: джинсы сидят низко-низко, застегиваются всего на три пуговицы, а по бокам вшиты такие

огромные клинья вареной джинсы, что клеш получается просто нереальный; на ногах туфли на пробковой платформе – высотой сантиметров десять, не меньше, а из-под розовой, с широченными рукавами блузки в деревенском стиле выглядывает полоска голого живота.

Кейт прижала учебники к груди, мучительно сожалея о том, что вчера вечером не сдержалась и расковыряла несколько прыщей. А также о том, что джинсы на ней старомодные и прямые, как рельса.

– П-привет, – сказала она, замерев напротив новенькой. – Автобус с этой стороны останавливается.

Шоколадно-карие глаза, обведенные сверкающими синими тенями, без всякого выражения взглянули на нее из-под густо накрашенных ресниц.

Показался автобус. Закряхтел, заскрипел и наконец, вздрогнув, остановился. Один мальчик, в которого Кейт когда-то была влюблена, высунул голову в окно, прокричал:

– Эй, Чмоларки, штанов покороче не нашла? – и расхохотался.

Понутив голову, Кейт забралась в автобус. Плюхнулась на сиденье в первом ряду – как всегда одна, – уставилась себе под ноги и стала ждать, когда новенькая пройдет мимо, но больше никто в автобус не сел. Лишь когда дверь с грохотом закрылась и автобус тронулся, Кейт посмела обернуться и выглянуть в окно.

Но самая крутая девчонка на планете уже исчезла.

Сразу видно – Талли здесь чужая. Перед выходом она часа два думала, что надеть, выбрала безупречный наряд, будто прямым со страниц «Севентин»^[10], – и прогадала по всем пунктам.

Едва подъехал автобус, она приняла решение: в этом захолустье она в школу ходить не станет. От Снохомиша до центра Сиэтла всего час пути, это верно, но с тем же успехом можно было отправиться на луну. Все здесь не по-людски.

Нет.

Не дождетесь.

Она промаршировала по гравийной дорожке обратно к дому и с такой силой толкнула дверь, что та, распахнувшись, грохнула об стену.

Никогда не повредит добавить чуточку драмы, в этом Талли давно убедилась, — просто чтобы расставить акценты, подчеркнуть непримиримость своей позиции.

— Ты, видно, совсем обкурилась, — громогласно заявила она и лишь секунду спустя осознала, что в гостиной нет никого, кроме грузчиков.

Один из них на мгновение замер, устало покосился в ее сторону:

— А?

Талли протиснулась мимо, так сильно пихнув шкаф, который грузчики держали на весу, что те вполголоса выругались. Ей было плевать. Она страшно разозлилась, казалось, вот-вот лопнет от гнева — ужасно мерзкое чувство.

Много чести — злиться из-за выходок ее так называемой матери, которая всю жизнь только и делала, что раз за разом ее бросала.

Мать сидела на полу в спальне, вырезала какие-то картинки из «Космо». На голове, как обычно, гнездо: косматая грива спутанных волнистых волос перехвачена кожаной лентой с бусинами — такие вышли из моды лет сто назад. Даже не взглянув на Талли, она перевернула страницу; со следующего разворота усмехался, прикрывая рукой член, совершенно голый Берт Рейнолдс^[11].

— Не буду я ходить в эту отсталую школу для деревенщин.

— Нет? — Мама снова перелистнула страницу, потянулась за ножницами и принялась вырезать цветы из рекламы шампуня. — Ну ладно.

Талли едва не завопила в голос.

— Ну ладно? *Ну ладно?!* Мне четырнадцать лет!

— Мое дело тебя любить и поддерживать, милая, а не палки в колеса вставлять.

Талли закрыла глаза, сосчитала до десяти.

— Я здесь никого не знаю.

– Так узнай. Я слышала, в своей старой школе ты была мисс Популярность.

– Ну, блин, мам, я...

– Дымка.

– Да не стану я звать тебя Дымкой!

– Как скажешь, Таллула.

Она подняла взгляд, чтобы убедиться, что Талли все ясно. Ей, разумеется, было ясно.

– Я здесь чужая.

– Ты ведь знаешь, что это неправда, Талли. Разве может дитя земли и небес быть где-то чужим? В Бхагавадгите говорится...

– Проехали.

Талли отвернулась, не дослушав. Очередная укуренная мудрость, которой место на психоделическом постере, ей была не нужна даром. В гостиной она ненадолго замешкалась, стащила из сумки матери пачку сигарет «Вирджиния слимз» и снова вышла на улицу.

Всю следующую неделю Кейт издалека наблюдала за новенькой.

Талли Харт была не такой, как все, – она казалась увереннее, невозмутимее, будто бы ярче остальных ребят, что бродили по вылинявшим зеленым коридорам школы. Гулять ей разрешали хоть всю ночь, к тому же она ни капельки не боялась, что ее застукают за курением в лесу позади школы. Все только об этом и говорили, Кейт постоянно слышала восхищенные перешептывания. Среди подростков Снохомиша, родители которых работали кто на молочной ферме, кто на бумажной фабрике, Талли Харт была диковинкой. Каждый хотел с ней подружиться.

Внезапная популярность соседки заставила Кейт еще острее почувствовать собственное одиночество. Она и сама толком не понимала почему. Знала только, что каждое утро, пока они стояли на остановке, совсем рядом и все же невозможно далеко друг от друга, разделенные зияющей пропастью молчания, ей мучительно, невыносимо хотелось, чтобы Талли ее заметила.

Впрочем, этому не бывать.

– ...пока «Шоу Кэрол Бернетт»^[12] не началось. Все готово. Кейт? Кейти?

Кейт, очнувшись, подняла голову. Она заснула прямо за кухонным столом, над учебником обществознания.

– А? Ты что-то сказала? – спросила она, поправляя на носу очки в толстой оправе.

– Я приготовила запеканку для наших новых соседей. Сходи отнеси.

– Но... – Кейт отчаянно пыталась придумать отговорку, любую, лишь бы отмазаться, – они ж неделю как приехали.

– Ну что поделаешь, раньше не получилось. Всё дела, дела.

– У меня домашки куча, пусть Шон ходит.

– Сомневаюсь, что Шон там с кем-нибудь подружится.

– Можно подумать, я подружусь, – с тоской отозвалась Кейт.

Мама повернулась к ней. Каштановые волосы, которые она старательно завила и начесала утром, к вечеру снова повисли унылыми прядями, следов макияжа почти не осталось. Ее круглое, пухлощекое лицо выглядело бледным, потускневшим. Фиолетово-желтая, вязанная крючком жилетка – прошлогодний подарок на Рождество – была застегнута сикось-накось. Не сводя взгляда с Кейт, она подошла и села за стол.

– Можно я кое-что скажу, а ты не будешь кусаться?

– Это вряд ли.

– Мне жалко, что у вас с Джоанни все так получилось.

Кейт чего угодно ожидала, но не этого.

– Да ну, ерунда.

– Нет, не ерунда. Я слышала, у нее теперь своя компания, и довольно непутевая.

Кейт хотела было ответить, что ей все равно, плевать с высокой колокольни, но вдруг с ужасом почувствовала, как защипало в глазах. Накрыло воспоминаниями: вот они с Джоанни на ярмарке, катаются на каруселях, вот сидят возле конюшни, обсуждают, как весело будет учиться в старших классах. Она пожала плечами.

– Угу.

– Иногда в жизни бывает трудно. Особенно если тебе четырнадцать.

Кейт закатила глаза. Можно подумать, мама хоть что-то понимает в проблемах подростков, представляет, как это тяжело.

– Ни хрена себе новости.

– Я сейчас притворюсь, что этого слова от тебя не слышала. Это будет нетрудно, ведь больше я его никогда не услышу, правда?

Кейт вдруг страшно захотелось быть похожей на Талли. *Талли* не сдалась бы вот так запросто. Наверняка бы еще и закурила на глазах у матери, посмотрела, что она на это скажет.

Мама пошарила в бездонном кармане юбки и достала сигареты. Прикуривая, она все не сводила взгляда с Кейт.

– Ты знаешь, что я тебя люблю, во всем поддерживаю и никому не позволю тебя обижать. Но, Кейти, я не могу не спросить: чего ты ждешь?

– В смысле?

– Ты целыми днями торчишь дома, читаешь и делаешь домашку. Разве так с людьми знакомятся?

– Да никто не хочет со мной знакомиться.

Мама ласково погладила ее по руке:

– Не стоит сидеть и ждать, пока кто-нибудь другой придет и изменит твою жизнь. Вот ради чего женщины вроде Глории Стайнем жгут бюстгальтеры^[13] и устраивают демонстрации в Вашингтоне.

– Ради того, чтобы я могла завести друзей?

– Ради того, чтобы ты могла стать кем угодно – кем захочешь. Ведь вашему поколению так повезло. Можете выбирать, кем быть. Но иногда ради этого приходится рискнуть. Сделать первый шаг. Я одно могу сказать: сожалеть в жизни приходится только о том, на что когда-то не решилась.

В голосе матери Кейт вдруг почудилось что-то непривычное, в слове «сожалеть» звякнула нотка грусти. Но, впрочем, что могла

мама знать о кровавой борьбе за популярность в старшей школе? С тех пор, как она сама была подростком, сто лет прошло.

– Ага, как же.

– Это правда, Кейтлин. Однажды ты поймешь, что я вовсе не так глупа, как тебе кажется. – Она улыбнулась и снова коснулась руки дочери. – Вот будешь в первый раз просить, чтобы я посидела с твоими детьми, тогда и поймешь – если, конечно, ты такая же, как все женщины.

– Ты о чем вообще?

Мама рассмеялась, хотя Кейт ничего смешного в этом не видела.

– Я рада, что мы поговорили. А теперь иди, знакомься с соседкой. Вы подружитесь.

Ага. По-любому.

– Рукавицы только надень, горячо.

Класс. Еще рукавиц не хватало.

Кейт подошла к плите и уставилась на красно-коричневое месиво в прямоугольной форме. Медленно, точно во сне, оторвала кусок фольги, накрыла запеканку и подвернула края, затем натянула толстые стеганные рукавицы, которые сшила тетя Джорджия. С запеканкой в руках она подошла к задней двери, сунула ноги в свои убогие, прикидывающиеся модными ботинки и по вязкой, чавкающей дорожке зашагала к соседнему дому.

Дом, построенный в форме буквы «Г», низкий и длинный, точно приплюснутый, стоял задом к дороге. Крыша из дранки вся поросла мхом. Некогда белые стены давно не видели краски, водосточные желоба забились листьями и сучьями. Здоровенные кусты рододендрона заслоняли почти все окна, разросшийся можжевельник окружил дом колючей зеленой стеной. За этим садом много лет никто не следил.

Кейт остановилась у двери, сделала глубокий вдох.

С трудом удерживая запеканку одной рукой, она стянула со второй рукавицу и постучала.

Пожалуйста, пусть никого не будет дома.

Почти сразу же внутри раздались шаги.

Затем дверь распахнулась, и перед Кейт предстала высокая женщина, одетая в свободное, струящееся платье. Лоб перехвачен расшитой бисером лентой. В уши продеты разномастные сережки. У нее был странный расфокусированный взгляд, точно у близоруких, которые без очков ничего не видят, но ее красота — пронзительная, хрупкая — все равно бросалась в глаза.

— Да?

Странная, пульсирующая музыка раздавалась будто бы со всех сторон одновременно; внутри стоял полумрак, лишь красные и зеленые лава-лампы озаряли комнату жутковатым свечением.

— З-здравствуйте, — заикаясь, пробормотала Кейт. — Моя мама вам запеканку приготовила.

— Ништяк. — Женщина качнулась назад, едва не упала.

И вдруг из-за ее спины появилась Талли, вернее сказать, вылетела, двигаясь с уверенностью и изяществом, которые пришлось бы впору кинозвезде, а не четырнадцатилетней девочке. Одетая в ярко-синее короткое платье и высокие белые сапоги, она выглядела достаточно взрослой, в самый раз, чтобы водить машину. Ни слова не говоря, она схватила Кейт за локоть, втащила ее в дом и провела через гостиную в абсолютно розовую кухню — розовым было все: стены, шкафы, занавески, столешницы. Когда Талли наконец посмотрела на нее, Кейт почувствовало, что во взгляде ее темно-карих глаз промелькнуло что-то очень похожее на стыд.

— Это твоя мама? — спросила она, не придумав, о чем бы еще завести разговор.

— У нее рак.

— Ой. — Кейт понятия не имела, как на это реагировать. — Как жалко.

Кухню затопило тишиной. Не смея поднять глаза на Талли, Кейт разглядывала стол. Она в жизни своей не видела столько «вредной» еды разом. Печенье, сладкие хлопья для завтрака, пачки кукурузных чипсов, попкорн, покупные кексы с разными начинками.

– Ого. Вот бы мне мама разрешала все это есть.

Она тут же пожалела, что вообще раскрыла рот. Прозвучало это ужасно тупо и по-детски. Чтобы не стоять столбом, разглядывая каменное лицо Талли, она опустила запеканку на кухонную столешницу.

– Осторожно, горячая еще, – предупредила она и тут же поняла, что опять сморозила глупость – и так ясно, что горячая, не зря же она заявила в рукавицах с кита размером.

Талли наблюдала за ней, прислонившись спиной к розовой стене и раскуривая сигарету.

Кейт с опаской покосилась на дверь в гостиную:

– А ее не волнует, что ты куришь?

– Ее вообще ничего не волнует, слишком сильно болеет.

– А-а.

– Хочешь затянуться?

– М-м... нет, спасибо.

– Ну да. Я так и думала.

Со стены на них смотрели часы в виде кота. Кот водил из стороны в сторону глазами, помахивал хвостом, отмеряя секунды.

– Ну, тебе, наверное, пора домой, ужинать, – сказала Талли.

– Да, – согласилась Кейт, чувствуя себя еще большим задротом, чем прежде, – точно.

Талли снова провела ее через гостиную; ее мать теперь лежала на диване, раскинув в стороны руки.

– Пока, соседская девочка, которая старается быть гостеприимной.

Талли рывком распахнула дверь. Обнажился мутный багровый прямоугольник закатных сумерек, который казался слишком ярким, каким-то ненастоящим.

– Спасибо за еду, – сказала она. – Я готовить не умею, а Дымка вон сама уже готовенькая, если ты понимаешь, о чем я.

– Дымка?

– Моя мать. Теперь она так себя называет.